

Вячеслав ОГРЫЗКО

ПАТРИАРХ СОВЕТСКОГО
СЕВЕРОВЕДЕНИЯ

Сергея Николаевича Стебницкого называют одним из патриархов советского североведения. Говорили, будто увлечения фольклором и этнографией ему передались по наследству. Его родная тётя – Ольга Иеронимовна Стебницкая – в своё время готовила переворот в русской фольклористике. А старший двоюродный брат Леонид Леонидович Капица, много сделавший для исследований Печорского края, стоял у истоков создания Русского этнографического музея. Кстати, во многом благодаря брату мы сегодня знаем историю этой семьи.

В своём очерке, опубликованном в 1991 году в журнале «Народное образование», Леонид Капица писал: «Семья Стебницких была многочисленна и незаурядна. Глава семьи, дед Сергея Николаевича, – генерал от инфантерии, действительный член Российской академии наук – Иероним Иванович Стебницкий известен был как крупный учёный в области картографии и геодезии. Около тридцати лет прожил Иероним Иванович с семьёй в Тифлисе, а затем назначен был начальником картографического отдела Генерального штаба в Петербурге. Иероним Иванович и Парасковья Михайловна (Пчельникова) воспитали пятерых дочерей и двух сыновей. Воспитывались они строго, почти сурово и рационально. Сергей Николаевич был сыном младшей из сестёр Стебницких – Юлии Иеронимовны (за ним сохранилась фамилия матери). Родился Серёжа 19 февраля 1906 года в Петербурге, в котором и прожил всю свою жизнь. Юлия Иеронимовна от рождения страдала глухотой, воспитывать сына было для неё сложно, и поэтому к маленькому Серёженьке была приглашена няня. Когда Серёжа подрос, воспитанием и образованием мальчика занялась его родная тётя Александра Иеронимовна». К слову сказать, тётя за короткий срок подготовила племянника к поступлению в университет: он стал студентом в пятнадцать лет.

В университете первым способности юного вундеркинда оценил профессор В.Г. Богораз. Он в 1923 году предложил своему студенту стать его личным секретарём. Затем старый учёный отправил любимого ученика в первую экспедицию, поручив ему на Валдае собрать местные частушки.

Окончив в 1925 году филфак Ленинградского университета, Стебницкий остался на кафедре этнографии, где увлёкся языком и этнографией коряков. Будучи аспирантом, он помог своему учителю В.Г. Богоразу составить на русском языке «Букварь для северных народностей», который был издан в 1927 году в Ленинграде.

Следуя правилам ленинградской этнографической школы, Стебницкий вместе с группой сокурсников в 1927 году отправился на Дальний Восток, чтобы на месте освоить культуру и традиции изучаемых народов. По дороге он писал своему учителю – Богоразу:

«15 августа 1926 года

Владимир Германович!

Пишу Вам в панике, даже в очень большой панике! Мы с Крейн-вичем второй день сидим на станции Вяземское между Хабаровском и Владивостоком, дабы взгромоздиться на пароход, и... застряли! Ужасно боюсь, что пароход, как на грех, ждать не станет – уйдёт! И тогда опять мозолить Вам глаза всю зиму! Очень не хочется!

Из прилагаемого папиросного листка Вы видите, что перед отъездом у нас, едущих на педагогическую работу, было грандиозное совещание. Ришес, Курочкина и Фёдорова назначены: в Охотск, Аян и Чумакан. В начале сентября выедут на работу. Их положение хорошее.

Козин – уполтуз риком [уполномоченным по северному населению местного РИК. – В.О.]; Лебедев – уполтуз Благовещенского округа. Их дела хороши.

Это, кажется, все Вами посланные. Сообщения мои о них кратки, но, ей-богу, не знаю, чем могу их пополнить.

Очень хочется начать работу, очутиться в туземной обстановке, понюхать северной зимы и окунуться в гущу коряцкого быта. Хотя, чёрт побери, Теличики со времени Вашего пребывания выросли, и жить придётся отнюдь не в коряцкой юрте, а во вполне организованном доме. Но каково думать, что из-за какого-то глупого ливня даже это не осуществляется! Кроме того, мне, по всей вероятности, удастся обеспечить разъезды через Охотсоюз (почти сговорился). Ну ладно, там видно будет! Когда моя судьба решится – напишу ещё, а пока в полном нежелании скорого свиданья, но с пожеланиями всего хорошего?» («Этнограф-исследователь», 1927, № 2 – 3).

Лишь на последнем пароходе Стебницкий успел из Владивостока попасть в бухту Корфа. Молодой исследователь сообщал Богоразу: «Пишу Вам с парохода, после трёхнедельного пребывания в Олюторке. Я немного пополачивался среди коряков и чуков в очень интересном и диком районе р. Апуки, наслушался от бывалых людей всяких местных и общих сведений, а также постиг некоторое количество печальных истин, вроде той, что мы с Вами, например, по причине принадлежности к весьма презренной породе чуть ли не «липовые», так как сделаны из коры самого презренного дерева – тополя и выброшены на реку великим творцом Куйкиняку. Поэтому мы испокон веков и таскаемся по рекам и по морю, нарушая чужой покой. Но нам недолго осталось владычествовать над коряками. Скоро придут с севера какие-то таинственные ламутки (ламуты), не те, которые теперь живут, перемешавшись с коряками, ибо эти новые выдвинутся «прямо из природы» и освободят коряков от русских... Был я и на половине чукотского праздника осеннего убоя. Вот дичь! Но, конечно, бешено интересно! В общем, я доволен своим трёхнедельным отдыхом от пароходного путешествия, во время которого никогда сразу не скажешь, где – низ, где – верх. А сегодня надеюсь прибыть, наконец, в Теличики и начать постоянную работу. Правда, меня предупреждают, что я, хотя и начал немного разбираться по-коряцки, всё равно ничего не пойму в языке бухты Корфа...».

В августе 1926 года пароход доставил Стебницкого к посёлку Апука. Поскольку причала в селении не было, до берега он добирался на лодке, которую на канате тащил катер. Из Апуки Стебницкому предстояло добраться до селения Кичига, где он должен был организовать обучение северян родному – корякскому – языку. Под школу местная власть отдала молодому учителю помещение церкви. Позже Стебницкий вспоминал: «Я снял замок с двери школы. Вошёл. Помещение церкви было переделано под класс, украшено портретами, плакатами, цветными гирляндами. Чуть не на самой середине класса торчала неуклюжая самодельная печь, недавно сложенная, но уже скосившаяся на бок. Много беды нам было потом с этой печью. Четыре парты, облупленные, поломанные, стоят возле левых окон. И больше ничего. Я прошёл через класс в отгороженный алтарь, там отведена мне квартира. Два узких запылённых окна в полукруглой задней стенке». Вот в таких условиях Стебницкий начинал изучение корякской культуры.

Спустя год, вернувшись в Ленинград, Стебницкий подготовил для Русского географического общества доклад «Быт детей коряков», написал несколько книжек для детей и взялся готовить пер-

вый корякский букварь. К тому времени учёный плохо знал язык кочевников, поэтому за основу он взял каменский и апукинский говоры. Букварь под названием «Красная грамота» вышел в 1932 году.

В декабре 1932 года Стебницкий предпринял своё второе путешествие на Камчатку. На этот раз он провёл у коряков полтора года. Учёный тогда всерьёз занялся изучением шаманства. Впоследствии он писал: «Если мы хотим понять шаманство, то должны знать, что оно выросло на почве целого ряда нервных заболеваний и повышенной нервной возбудимости, присущей многим народам Севера.

Учительствуя зимой 1934 года на Камчатке, я, к примеру, часто наблюдал, как во сне мои ученики что-то распевали. Или был у меня такой восемнадцатилетний, очень талантливый курсант-коряк в Корякской совпартшколе, который играл самые сложные роли в самодеятельных спектаклях. Но беда парнишки заключалась в том, что после каждого спектакля он всю роль, от начала до конца, повторял во сне, и кто в общежитии хотел, тот просыпался и по второму заходу наблюдал за игрой своего товарища.

Как после этого было не верить Владимиру Богоразу! Многие годы проводя на Севере, он утверждал, что у чуков и у коряков «мальчика, обречённого шаманскому вдохновению, можно узнать даже в ранней юности по взгляду, который в разговоре направляется мимо лица слушателя куда-то в пространство, как будто видит что-то незримое для других».

У многих коряков именно в критическом возрасте, при переходе от отрочества к юности, наступал период «становления шаманом». Редкий коряк, с которым мне приходилось познакомиться поближе и поговорить что называется по душам, не рассказывал о пережитом им критическом переломе в этот период. У одних этот период проходил глаже, проще, у других – более болезненно <...>

К слову сказать, большинство коряков наступление «периода становления шаманом» рассматривают как тяжёлую болезнь. Считают, что духи нин'виты начинают призывать юношу или девушку. Молодой человек слышит призыв духов и старается убежать от них. Он предпринимает целый ряд мер для того, чтобы не поддаться этому призыву, чтобы не стать шаманом. И действительно, у многих этот период «бешенства», по терминологии алюторцев, вскоре проходит без всяких последствий. Но некоторые поддаются призыву и даже сами идут ему навстречу. Их начинает интересовать шаманство. Они усваивают заговоры, поступают в ученики к опытным шаманам».

В 1937 году учёный стал кандидатом филологических наук, защитив работу по истории падежных суффиксов в корякском и чу-

котском языках (16 октября 1941 года она была подписана в печать и вышла книгой). Спустя год он опубликовал фундаментальную работу «Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка» («Советский Север», 1938, вып. 1).

Но в это время над самим Стебницким сгустились тучи. В журнале «Советская Арктика» (1938, № 2) вдруг в пух и прах раскритиковали последнее издание корякского букваря. Там писали: «Букварь на нымыланском (корякском) языке С.Н. Стебницкого почти весь заполнен сказками. Но автор не сумел обработать даже и фольклорную тематику. Преобладают сказки о лисе». После таких обвинений люди ждали ареста. Как учёный спасся от репрессий, точно неизвестно.

Наряду с разработкой корякской письменности Стебницкий внёс огромный вклад в формирование корякской литературы. Это он подтолкнул к литературным занятиям студентов-коряков из Института народов Севера. Благодаря ему свои первые книги на родном языке издали Хэчгоят Нутевьин, Кецай Кеккетын, Лев Жуков и Иван Баранников.

4 июля 1941 года Стебницкий ушёл на фронт. Но в одном из первых же боёв его тяжело ранили. Учёный был отправлен на лечение в Свердловск. В октябре 1941 года его после выписки послали в 23-й запасной стрелковый полк, дислоцировавшийся в Ижевске. С этой частью Стебницкий вскоре выехал на фронт под Волхов. И снова ему не повезло. Теперь его задело в голову. 10 ноября 1941 года он скончался.

Архив учёного, увы, сохранился частично.

Лишь в 1994 году вышли его «Очерки по языку и фольклору коряков», в которые вошла в том числе и статья «Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература». Позже, в 2002 году, дошла очередь и до издания «Очерков этнографии коряков», написанных Стебницким ещё до войны.